

Рисунок: Борис Жутовский

**Сергей Ковалёв: «За мной были лагеря, был
Сахаров...»**

Сергей Адамович Ковалёв (родился в 1930 году в Сумской области Украинской ССР) — советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель. С 1966 года, со времени суда над писателями Синявским и Даниэлем, — участник движения в защиту прав человека в СССР. 28 декабря 1974 года Ковалёв был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», приговорен к семи годам лагерей строгого режима и трем годам ссылки.

В годы перестройки вернулся в Москву. Принимал участие в различных общественных инициативах: входил в оргкомитет Международного гуманитарного семинара (декабрь 1987 года), участвовал в создании пресс-клуба «Гласность», в учредительном съезде общества «Мемориал» (с 1990-го — сопредседатель этого общества). В 1989 году по рекомендации А.Д. Сахарова назначен сопредседателем с советской стороны Проектной группы по правам человека при Международном фонде за выживание и развитие человечества (впоследствии — Российско-американская группа по правам человека). Тогда же вошел в Московскую Хельсинкскую группу. С 1990 по 1993 год — народный депутат России, член Президиума Верховного Совета РФ. Депутат Государственной Думы ФС РФ 1-го и 2-го созывов. С 1996 года — член российской делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы.

Председатель Комитета по правам человека Верховного Совета России (1990–1993); председатель Комиссии по правам человека при Президенте России (с октября 1993 года по январь 1996 года). В соответствии с Указом Президента РФ выполнял функции Уполномоченного по правам человека

Ред. Сергей Адамович, председателем Комиссию по правам человека вы были назначены в сентябре 1993 года. Какова ее предыстория? Имеется в виду, конечно, не застой, а перестроечное время.

С.К. Я с 1990 года возглавлял Комитет по правам человека в Верховном Совете РСФСР. Он, как и положено, готовил законопроекты по своему профилю. Ни один из наших законопроектов не прошел до августовского путча 1991 года. Зато после разгрома путча наши проекты, не без дискуссий, но были приняты все до единого. Полагаю, причина такой перемены в Верховном Совете печально проста — составлявшие большинство коммунисты опасались, что с ними поступят так же, как они поступили бы со своими оппонентами, если бы путч победил.

Итак. Закон о чрезвычайном положении (он удивил тогда иных наивных правозащитников — о, будь он применен в Чечне, многих зверств удалось бы избежать!). Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Закон о беженцах и вынужденных переселенцах (его разрабатывал в основном М.Г. Арутюнов).

Важным успехом были изменения и дополнения к пенитенциарному законодательству — тогда это называлось Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК). С тех пор тюремные правила и практика менялись не раз, но многие наши нормы невозможно отменить. СССР

в Российской Федерации в 1994-1995 годах.

Лауреат более чем десятка международных премий, почетный доктор ряда европейских университетов. В 1995 и 1996 годах его кандидатура выдвигалась на соискание Нобелевской премии мира.

ведь по этой части был буквально на уровне КНДР, стран арабского Востока. Были отменены иные виды наказания: смирительная рубашка;

наказание голодом — весьма пониженные нормы питания в карцере, штрафном изоляторе (ШИЗО) и помещениях камерного типа (ПКТ), а то и норма 9б: день — «пониженка», а день — только скудная хлебная пайка; лишение свиданий; лишение посылок и бандеролей. Обязали выдавать в ШИЗО постельное белье. Вспоминаю, как сам в ШИЗО от холода по восемь раз за ночь просыпался, приседал, размахивал руками, хватался за еле теплящуюся отопительную трубу.

Ну, и многого еще удалось добиться тогда, а теперь пошло прахом.

Собственно, это и есть предыстория Комиссии.

Ред. Сергей Адамович, Указ о назначении вас на должность председателя Комиссии был подписан 26 сентября 1993 года, то есть через несколько дней после знаменитого Указа президента Ельцина № 1400 о роспуске Верховного Совета. Это неслучайно?

С.К. Неслучайно. При всех неприглядных подробностях обоюдного жестокого противостояния Ельцин — Хасбулатов, Руцкой (вместе с заметным большинством Верховного Совета) Борис Николаевич все же отчетливо ощущал сторону Права. Не так уж это было сложно в тех чудовищных обстоятельствах, но, признаем, успешному карьеристу КПСС не очень и легко. Все же он был очень одарен, партийные успехи не лишили его человечности и совести.

Он доверял мне. Знал, что я поддерживаю гайдаровские реформы, что своекорыстная, циничная позиция Хасбулатова мне отвратительна. Возможно, сыграли роль мое тюремное прошлое и дружба с А.Д. Сахаровым. О замысле создания Комиссии я не знал, думаю, это подсказали Г.Э. Бурбулис и С.А. Филатов.

Тот период раскола власти трагичен, нелеп и смешон. Мы, противники Хасбулатова и Руцкого (примерно четверть Верховного Совета, сто или более депутатов), перестали ходить в Верховный Совет. Это было невозможно. По парламентским коридорам, гремя шашками, а то и шпорами, шлялись самодеятельные казаки, обвешанные самодельными крестами и медалями, самопроизведенные в позабытые казачьи чины. Прибывали и другие вооруженные люди. Парламент пек законы и постановления как блины. И без того убогую советскую Конституцию кромсали, перелицовывали, давили, как Бог черепаху, несколько не

смущаясь вопиющими противоречиями ее наспех сляпанных, новых лоскутов.

Сложился парадоксальный альянс коммунистов и новоиспеченных демократов широчайшего спектра — от православных до националистов с великодержавными, если не хуже, наклонностями. Это были довольно молодые образованные люди. Классический сталинизм и хрущевская оттепель прились на раннее детство и отроческий возраст этого поколения. В брежневскую эпоху они изучали марксизм-ленинизм, аккуратно посещали комсомольские собрания, но уже робко задумывались. А тут горбачевская перестройка с непредвиденными, на грани чуда, последствиями, которые и не снились ее отцам-основателям. Открывшиеся перспективы кружили молодые головы и рождали отчаянный, я бы сказал — истеричный, революционизм. Любая ссылка на парламентскую процедуру встречала насмешливое недоумение. В выступлениях господствовала непристойная стилистика вождя мирового пролетариата. Банальной очевидностью стал лозунг «Вся власть Советам!» (то есть, разумеется, Верховному Совету РФ). В некотором виде он проник тогда и в конституционные новации. Этим «демократам» было невдомек, что краеугольный камень демократии: **ВСЯ власть — никому!**

Ну, а коммунисты играли свою игру, желая тихого реванша за 1991 год. Некоторые успешные шаги в эту сторону уже были сделаны раньше. Партнерство с хасбулатовскими «демократами» их вполне устраивало.

Похоже, что наша обструкция никого особенно не беспокоила, но ходить в этот цирк было неприятно и бессмысленно.

Иногда мы собирались, вступали в горячие, не слишком содержательные обсуждения. И вот однажды Николай Тимофеевич Рябов при нечаянной встрече сказал мне, что подготовлен Указ № 1400, который должны были огласить сегодня в 20:00. Было уже семь вечера, времени на встречи и обсуждения не было. Я двинулся в Кремль. Я предвидел не лучшие последствия этого указа и хотел просить президента повременить со столь жесткими мерами. С Ельциным меня под разными предлогами не соединили, я говорил с А.В. Козыревым: убеждал его продолжить переговоры, не уступая принципиальных позиций, но публично предлагая компромисс, где только возможно; прекратить мелочные провокации с президентской стороны; заставить оппонентов демонстрировать агрессивность, ведь они и так преуспели в этом. Козырев вяло пообещал передать мои просьбы президенту. Знал наверняка, что все уже решено. Так оно и оказалось.

Должен сказать, что Борис

«Общество не просто вправе подозревать власть. Оно обязано подозревать власть, если это настоящее гражданское общество. Оно обязано подозревать власть потому, что у власти слишком большие полномочия»

Николаевич весну, лето и начало осени 1993 года вел себя крайне легкомысленно — прямо скажем, бездарно. В апреле он убедительно выиграл известный референдум. Помните «Да-да-нет-да»? Невооруженным глазом было видно, что Хасбулатов в панике. Надлежало развивать успех. Но Борис Николаевич, упоенный победой, отправился на Валдай купаться, играть в теннис, предаваться возлияниям. Помню, как мы втроем — С.Н. Юшенков, Л.А. Пономарев и я — отправились в Валдайскую резиденцию, чтобы попытаться «разбудить» президента. Мы рассказали, что происходит с Конституцией, и объяснили, что Верховный Совет неправомочен это проделывать (откуда первому секретарю обкома было знать это?). Ну и все, о чем уже говорилось.

Организатор президентского досуга А.В. Коржаков был очень недоволен. Поначалу и президент тоже. Но постепенно Борис Николаевич заинтересовался, стал задавать осмысленные вопросы. Поблагодарил и обещал обдумать ситуацию всерьез. Полагаю, что и намерен был обдумать. Да, видно, недосуг — отвлекся на развлечения.

Между тем социальное возбуждение вокруг резко усиливалось. Тому были веские причины — нарастающие экономические трудности для всех, кроме некоторых. Горожане жили впроголодь, деревня голодала, воровала и спивалась. Тем временем воздвигались особняки за крепкими заборами, как в песне Галича.

Здесь не место для скрупулезного анализа этих печальных обстоятельств, да он мне и не по силам. Уверенно утверждаю, однако, что хасбулатовская команда бесстыдно спекулировала на народном недовольстве, сулила золотые горы, прямо провоцировала бунт — иными словами это не назовешь. Бунт и был их незамысловатой стратегией. Генерал Макашов, военный лидер разбушевавшихся депутатов, с парламентской трибуны проповедовал грязный антисемитизм вперемешку с непристойностями. Вот это и была их «демократия».

Дальше случилось то, что не могло не произойти. Мятежники захватили московскую мэрию. Безоружная толпа (в составе которой были немногие кое-как вооруженные люди), брошенная Руцким на штурм телецентра Останкино, была безжалостно расстреляна милицией. Там и погибли главные жертвы начала октября. Хотелось бы надеяться, что это был эксцесс исполнителя, но, увы, уверенности в этом нет. Ну, и танковый обстрел Верховного Совета тоже не из разряда парламентских процедур. Однако, насколько мне известно, из защитников Белого дома никто не погиб — защитников просто не было. Внутренние части здания были недоступны для танковых орудий, а после обстрела штурмующие без малейшего сопротивления вывели из горящего дома всех, кто там находился.

Прямо скажем, победители отнюдь не блистали рыцарскими достоинствами. Но факт есть факт — в октябре 1993 года президент Б.Н. Ельцин предотвратил гражданскую войну.

Ред. Вернемся к Указу о Комиссии по правам человека.

С.К. Указ-то в одну строчку был, надо было готовить проект президентского Положения о Комиссии, ее регламент. Мы напряженно работали с моим заместителем Сергеем Сироткиным, соратниками по «Мемориалу» — Арсением Рогинским, Никитой Охотиным, моей помощницей Лидией Семиной. Согласно Указу, Комиссия получила статус консультативного органа, полностью независимого от любой ветви власти. По просьбе президента Комиссия давала экспертное заключение по проблемам прав личности. Разумеется, она была вправе и по собственной инициативе принимать к рассмотрению любое дело, которое сочтет затрагивающим права человека. Мы могли свободно публиковать свои заключения. В Комиссию вошли Сергей Сергеевич Аверинцев, Михаил Георгиевич Арутюнов, Елена Георгиевна Боннэр, Игорь Несторович Голембиовский, Александр Терентьевич Копылов, Сергей Васильевич Сироткин и другие. Конечно, Арсений Борисович Рогинский, Олег Петрович Орлов, Никита Глебович Охотин, Александр Юльевич Даниэль были нашим активом и важными экспертами.

Ред. Сергей Адамович, вы, мягко говоря, недолюбливали Хасбулатова и компанию, но есть немало документов октября-ноября 1993 года, где вы протестуете против произвола милиции, отлавливавшей предполагаемых участников мятежа.

С.К. Естественно. Мы руководствовались декларациями ООН, Декларацией прав человека, написанной нашим же парламентским Комитетом и принятой Верховным Советом еще до его раскола интриганам, рвавшимися к власти. В ту же сторону «смотрели» Декларация и законопроект «О судеустройстве» Бориса Андреевича Золотухина и большой группы выдающихся юристов.

Террористов и подозреваемых надо задерживать (при соблюдении строгих процессуальных норм), а человека, высказывающего свое мнение, каким бы оно ни было, преследовать нельзя.

Ред. Положение о Комиссии перекликалось с главой в Конституции 1993 года, которую вы писали?

С.К. Конечно. Была содержательная общая концепция Конституции, разработанная еще в «советское» время. Разумеется, регламент Комиссии основывался на этой концепции. Более того, к тому времени был готов и тщательно обсужден проект второй главы Конституции, о правах человека, который написали мы с С.В. Сироткиным. Фактически в этом виде он и вошел в Конституцию РФ после конституционного референдума 1993 года.

«21» октября 1993 года

Уважаемый Сергей Адамович!

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 19.10.1993 № Пр-1596 органам прокуратуры дано указание проверить и принять решение по всем случаям злоупотребления властью со стороны сотрудников МВД, МБ и МО РФ, имеющих место в г. Москве в связи с введением чрезвычайного положения и комендантского часа.

Прошу Вас предоставить имеющиеся сведения о всех случаях избиения, причинения телесных повреждений, других фактах превышения власти, допущенных со стороны указанных категорий лиц, и данные о потерпевших.

Получение информации поручается старшему военному прокурору Главного Управления по надзору за исполнением законов в Вооруженных силах Российской Федерации подполковнику юстиции Стрижаку Николаю Дмитриевичу.

*Государственный советник юстиции 2
класса В.Н. Паничев»*

«Служебная записка
О выполнении поручения № Пр-1596 от
19.10.1993

Президенту Российской Федерации
Ельцину Б.Н.

Ситуацию усугубили многочисленные злоупотребления работников милиции, незаконное водворение ими граждан в изолятор временного содержания, следственные изоляторы и другие помещения, не предназначенные для содержания задержанных.

За дни действия чрезвычайного положения прокурорами были освобождены почти 3,5 тыс. незаконно задержанных граждан...

Разделяя позицию министра иностранных дел Козырева А.В. и председателя Комиссии по правам человека Ковалёва С.А. об опасности применения волевых решений в отношении средств массовой информации, партий и общественных движений, с сожалением вынужден констатировать весьма ограниченные правовые возможности.

(Одновременно сообщаю, что в настоящее время органами прокуратуры расследуются уголовные дела, возбужденные по ст. 74 УК РСФСР (разжигание национальной вражды и розни) в отношении редакторов газет: «Русские Ведомости», «Русское воскресение», «Московский трактор», «Пульс Тушина» в Москве, «Русское слово» в Оренбурге, ведется проверка законности деятельности газеты «За Русь» в Краснодарском крае.)»

Генеральный прокурор
Российской Федерации А.И. Казанник

Два слова о том, как эти концепции и проекты тогда создавались. Еще когда Борис Николаевич был председателем Верховного Совета РСФСР, избрали Конституционную комиссию. Там было полное засилье членов КПСС, но Ельцин это предусмотрел, оговорил квоту в двадцать человек, им лично назначенных, и сам всю Комиссию возглавил. Эти 20 человек, естественно, имели приоритет, поскольку ежедневно работали над проектом, тогда как остальные 80 валялись дураками. Я был членом этой «двадцатки» и помимо своего родного раздела активно участвовал в иных обсуждениях — главным образом общих принципов и вопросов права.

Я не чувствовал себя сильным в важных вопросах, так сказать, «государственной технологии» — структуре госорганов и т.д.

Внутри «двадцатки» тоже случались серьезные споры, например о разграничении полномочий президента и парламента. Заметную роль в окончательной редакции проекта сыграл выдающийся юрист

С.С. Алексеев. Важной нормой стал приоритет международных обязательств, ратифицированных парламентом, перед внутренним законодательством. Впрочем, теперь г-н Зорькин показал цену Конституции.

Ред. В январе 1994 года вы стали еще и омбудсменом — первым в российской истории Уполномоченным по правам человека. Эти ваши две ипостаси — омбудсмена и председателя Комиссии — реализовывались параллельно или дополняли друг друга?

С.К. Вообще говоря, такого совмещения (кстати, не двух, а трех ипостасей — еще и депутата парламента) не должно быть. Член Думы — политик, член Комиссии — советник политика, президента. А омбудсмен обязан быть принципиально **вне** политики. Это независимая конституционная (что очень важно) фигура, не обладающая никакими властными полномочиями, но наделенная правом по своему усмотрению обращаться в государственные органы и в суд по вопросам, затрагивающим права личности. Впервые эта должность появилась в Швеции более 200 лет назад, затем в других странах. Дума избрала меня омбудсменом, опираясь исключительно на статью Конституции, когда соответствующий Закон только еще разрабатывался. Писали его мы с Сироткиным, а вносила от своего имени депутат Елена Мизулина, чтобы не будить «личной злобы» во фракции коммунистов. (Кто бы предугадал тогда нынешнее перевоплощение Мизулиной?)

За весь мой короткий срок пребывания в этой почтенной должности законопроект прошел только первое чтение. Сейчас я не помню подробностей той, исходной редакции его текста. Но я понимал, что, когда Закон вступит в силу, по его норме либо по нравственному долгу мне надлежит покинуть парламент. Пока же шли невообразимо трудные, нудные, непривычные и неприятные мне хлопоты по организации будущей службы омбудсмена, которая была обязана обрести моральный авторитет.

Ред. Тогда признайте, пожалуйста, без ложной скромности, что тут большую роль сыграла именно ваша личность.

С.К. Ну да, за мной ведь были лагеря, был Сахаров.

Я сразу был благожелательно принят международным сообществом омбудсменов, получил поддержку и очень полезные советы, особенно от первой польской «омбудсledi» пани Евы Лентовски. Я глубоко благодарен моим интернациональным коллегам.

Что ни говори, международное братство правозащитников все-таки существует, как бы ни поганила его политическая бюрократия. Я возглавлял делегацию России на ежегодных женевских сессиях ООН по правам человека. Тут я оказался в любопытном окружении. «Своим» был только мой заместитель Вячеслав Иванович Бахмин, диссидент с тремя

судимостями. Он возглавил департамент МИДа по международному гуманитарному и культурному сотрудничеству. Остальные члены делегации — карьерные дипломаты, приученные к мидовско-макиавеллистскому языку: побольше навешать слов и поменьше сказать. Мы со Славой ломали эту манеру, жестко заявляли свою позицию. Надо сказать, что наши дипломаты слушались и исполняли все безукоризненно — таково нутро советского чиновника: чего изволите? Правда, министр иностранных дел А.В. Козырев откровенно поддерживал нас с Бахминым.

Ред. С чего началась практическая работа в Комиссии при Президенте РФ?

С.К. Мы понимали, что в наш адрес пойдут десятки тысяч писем, жалоб — так и случилось. Значит, нужен был аппарат. Он был небольшой: Илья Бурмистрович и Юрий Шиханович (короткое время им помогала Надя Емелькина). Они все систематизировали, приводили в порядок документацию, вели служебную переписку.

Ред. Сергей Адамович, что вы считаете наибольшим достижением Комиссии в тот период, когда вы ею руководили?

С.К. Летом 1994 года вышел Указ Бориса Николаевича о том, что можно держать человека под стражей в течение 30 дней без предъявления обвинения. Не двое, не трое суток, а 30! Чудовищное нарушение Конституции со стороны ее гаранта. А для чего эти 30 суток? Да для того, чтобы выбить признательные показания. Почувствуй беспомощность, пойми, что тюрьма — не сахар. Я всюду возражал против Указа, противоречащего Конституции. Мне предложили выступить на коллегии Генпрокуратуры. Я не ожидал, что меня так внимательно выслушают и что критика будет принята. В конце моего выступления даже раздались аплодисменты. Правда, весьма хмурый генпрокурор заметил своим сотрудникам: здесь вам не театр, вы еще «браво» закричите.

«Исх. № А33-394 от 22.06.1994

Президенту Российской Федерации
Б.Н. Ельцину

Мы полагаем, что проведение этого Указа в жизнь будет сопровождаться произволом правоохранительных ведомств — необоснованными задержаниями, вторжением в частную и хозяйственную деятельность граждан, ростом коррумпированности чиновников. Наши опасения подтверждаются сообщениями из Республики Башкортостан и Татарстана, где уже действуют подобные юридические акты».

С уважением,
С.А. Ковалёв

В итоге Борис Николаевич приглашает меня и говорит: «В вашей критике есть смысл». Я ему: «Так отмените Указ!». Он подумал и говорит: «Вот вам поручение. Проследите, чтобы этот Указ не использовался в нарушение Конституции». Я был потрясен. Говорю: «Это невозможно, я не волшебник. Указ своим существованием грубо противоречит Конституции». Он: «Ну, вот я и даю вам поручение, чтобы вы проследили за всеми случаями нарушений прав граждан». Тогда я понял, чего он недоговаривает: чтобы не били.

«10 сентября 1994 года № Пр-1249
Москва, Кремль

*Уполномоченному по правам человека
Российской Федерации
С.А. Ковалёву*

Уважаемый Сергей Адамович!

Поступающая информация свидетельствует о непростой обстановке, сложившейся в связи с переселением беженцев в места их прежнего проживания на территории Пригородного района Республики Северная Осетия в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 мая 1994 года.

По поступающим сведениям процесс возвращения людей к своим очагам наталкивается на сопротивление определенных сил, провоцирующих манифестации протеста, угрозы, шантаж и избиение ингушей на территории Пригородного района.

Обращаюсь к Вам как к Уполномоченному по правам человека и как к Председателю Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации с просьбой выехать в зону чрезвычайного положения для изучения обстановки и подготовки объективного доклада о соблюдении прав человека в отношении переселяемых беженцев».

Б. Ельцин

Наша Комиссия продолжала свою критику. Важна была публичность протеста. Помнится, Указ не был отменен, но он как-то «рассосался», перестал упоминаться, и жалоб не стало. Думаю, в конце концов он когда-то тихо исчез из числа действующих нормативов. К сожалению, навалившиеся бурные события не позволили нам дотошно следить за его судьбой — сил не хватало.

Это письмо президента — важный документ, и поездка — очень важная поездка. Жаль, что здесь я не могу входить в подробности — это заняло бы много страниц.

В двух словах: для меня, для нашей Комиссии это было преддверием Чечни. Речь шла об осетино-ингушском кровавом конфликте. Силовики

и некоторые депутаты, которым Ельцин доверял, дезинформировали его и Думу относительно распри, разгоревшейся в 1992 году. Сталинским депортациям подверглись все ингуши, составлявшие значительную часть населения Пригородного района Северной Осетии (предместья Владикавказа). Их попытки (в соответствии с законом) вернуться в родные дома встретили яростное сопротивление осетин, заселивших Пригородный район, и осетинской милиции.

Оговорюсь. Ситуация была отнюдь не простой. Обе конфликтующие стороны имели свои резоны. Законодательство было весьма далеко от совершенства, а разрешение конфликта требовало времени и незаурядных усилий. Но главная вина за неисчислимыe людские жертвы лежит на федеральных Вооруженных Силах, ставших на одну сторону конфликта.

В этой поездке участвовали Сироткин, Рогинский, Орлов. Других не помню. Б.Н. Ельцин благодарил нас за отчет и предложения. Высоко оценили мой доклад в палатах Федерального Собрания. Вот и все. Никакого конкретного использования наших рекомендаций, как водится, не случилось.

Во время этой поездки мы ненадолго заехали и в Чечню, получив первый личный заряд острой информации о проблеме, которая вскоре стала главной для России.

«...Я имею право искать и распространять информацию, это право дано мне от рождения. Что касается неприятия иных точек зрения, то напомним известное высказывание Вольтера: “Месяе, с вашей точкой зрения я не согласен, но готов умереть за то, чтобы вы имели возможность ее высказывать”»

Чечня — это главное в моей судьбе, в судьбе первой Комиссии при Президенте, в судьбе службы первого российского омбудсмeна (да,

может, и последующих). Неблагополучная и символическая судьба, но тут уж что поделаешь? Сложилось так, как сложилось. Однако вот уже 22 года чеченский фактор — один из первостепенных, определяющих опасную политическую эволюцию России и ее влияние в мире. Это вам уже не Комиссия при Президенте.

Миссия Уполномоченного по правам человека вылетела в Чечню 11 декабря 1994 года, еще до начала военных действий. В ее составе были Михаил Михайлович Молоствов («Демократический выбор России»), Валерий Васильевич Борщов («Яблоко»), Леонид Николаевич Петровский (КПРФ), Олег Петрович Орлов («Мемориал») и я. Позднее к нам присоединился Юлий Андреевич Рыбаков («Демократический выбор России»), а Петровский уехал. Я не стану перечислять здесь всех «мемориальцев», постоянно приезжавших к нам, рисковавших жизнью и самоотверженно работавших.

Было бы безумием пытаться в формате короткого интервью рассказать здесь о событиях Первой чеченской войны и нашей работе там. К тому же об этом уже немало написано. Есть замечательные издания «Мемориала» и об этой войне, и о последующих событиях — вплоть до наших дней. Есть содержательные мемуары.

Однако, увы, наиболее энергично распространяемая доля публикаций — заказная, грязная клевета, продукция военных и иных государственных «информационных» структур и их троллей. Вступать с ними в полемику унижительно и бессмысленно. Я просто сделаю ряд утверждений, которые легко доказал бы при добросовестном, мало-мальски независимом рассмотрении.

Первое. Нашему отъезду в Чечню явно и нагло препятствовали какие-то военные (возможно, и иные) структуры. Надо думать, заранее знали: будет, что скрывать.

Второе. Печальные предвидения полностью оправдались. Мы получили неопровержимые доказательства пыток, которым подвергались со стороны федералов пленные комбатанты, а также мирные жители, подозреваемые в помощи повстанцам или в ночных партизанских рейдах. Подчас всех, кто содержался в «фильтрационных пунктах», избивали ежедневно, по утрам, «в режиме поверки». А при допросах пытали — в частности, электрическим током; везло тем, кому электроды помещали не на половые органы.

Многих задержанных сбрасывали в так называемые зинданы — глубокие конусные ямы. Сиди. Где ешь, там и нужду справляй. Вытаскивали только на допросы. Наша миссия не встретила **ни одного задержанного**, кто не подвергался бы пыткам, в лучшем случае побоям.

Мы с Андреем Блинушовым побывали в небольшом «пыточном поезде», который ездил туда-сюда на коротком отрезке пути Моздок — Беслан (ради конспирации, что ли?). Мы узнали «технику» допросов. Следователь извиняется и выходит «на минутку». Вот тут охранник принимается за дело. Следователь возвращается и, как ни в чем ни бывало, вежливо продолжает допрос. А по ночам пьяная охрана избивает всех подряд. Узнать это нам было нелегко — пыточные мастера следов на лице не оставляли. Если был кровоподтек, узник отнекивался, нехотя говорил «упал, ушибся». Нам повезло, но об этом говорить здесь не стану. Охрану, разумеется, несли контрактники, надеюсь, не из войсковых частей, но как знать. На прощанье они спели песенку о том, что «...Чечню развалим на дрова...». Так, между собой. Но нарочито в нашу сторону, чтобы хорошо расслышали. Уезжали мы вместе со знакомым генералом МВД, с которым там встретились. Забыл его имя. Заместитель Ю.И. Калинина, начальника Главного управления по исправительным делам. Казался приличным человеком, да, наверное, дома и был таким. «Представляю, Сергей Адамович, какой вы теперь шум поднимите». — «Уж что выйдет, то выйдет. Но постараюсь». (По понятным причинам, ничего не вышло.)

Простите за отклонение от обещанной краткости. Такие эпизоды долго не отпускают.

Третье. По ходу войны упомянутые противоправные методы развивались и совершенствовались. Далее я буду опираться на опыт двух чеченских войн, сосредоточившись на общих характеристиках преступных репрессалий и не оговаривая конкретные различия. Репрессии становились все более централизованными и управляемыми. Все, кто немножко следил тогда за событиями, помнят слова «зачистка», «исчезновение», «блокпост». Это связанные слова. Люди исчезали и при зачистках, и на блокпостах. Иногда на время, нередко навсегда.

Тем, которые возвращались, было что рассказать о пытках и зинданах. А тех, кто не вернулся, иногда находили в общих захоронениях связанными колючей проволокой, со следами пыток, часто с уничтоженным лицом, что затрудняло опознание или делало его невозможным. Но те, кого удалось опознать, исчезли в разных местах, подчас в ста километрах друг от друга, а закопаны в одну яму, вдалеке от мест задержания. Значит, их свезли в одно место, пытали, убили, зарыли. Это не могло быть «эксцессом исполнителя», это централизованная система — «эскадроны смерти», как называли такую систему в Южной Америке. Случалось, военные продавали трупы родственникам. Так обнаружился своеобразный «морг» в Ханкале с десятками трупов.

Четвертое. Мирные жертвы. Грозный бомбили с конца декабря 1994 года. Бомбили просто город. Может, и были какие-то специальные цели, но уж просто город бомбили точно. Приблизительно до конца февраля только в Грозном погибли примерно 25 тысяч мирных жителей. Конечно, этот наш подсчет не мог быть точен, но я ручаюсь, что мы применили все известные способы, чтобы не посчитать больше одного раза одну и ту же жертву, сведения о которой получены из разных источников. Мы очень следили за этим. Вычисления проводил Э. Гельман, весьма квалифицированный математик.

Пятое. Судебные прецеденты. Судебная реформа, которая внушала надежду своими первыми робкими шагами в начале девяностых, которая всего за год до Первой чеченской опиралась уже на Конституцию, круто повернула назад. Одна из трех независимых ветвей власти демократического государства — Судебная Власть — так Властью и не стала. Главный принцип Правосудия — «Право вне политики и над политикой» — в судебной практике послушно и быстро сполз назад, к привычному, такому удобному для государства, марксистскому принципу «Право есть воля господствующего класса, выраженная в форме закона». Этой реставрации очень способствовала Чеченская война. Пожалуй, она-то и была толчком реставрации.

Немного примеров. Всем памятный процесс полковника Буданова. В укромном командирском помещении двое голых — ражий полковник (живой) и хрупкая чеченская девушка (мертвая). Несомненные, никем не опровергаемые признаки изнасилования. Но восторжествовала версия, будто доблестный воин, защищая свою жизнь, задушил набросившуюся на него фурию. Как справился независимый суд со своей трудной задачей, желающие

могут прочитать в других публикациях, например в моей заметке «Служивое право» («Новое время», 2006, № 10).

Капитан Ульман с небольшим отрядом обстрелял чеченский автомобиль, как оказалось, мирный. Кто-то был ранен или даже убит. Тогда капитан расстрелял остальных шестерых пассажиров и попытался сжечь трупы. Ульман был дважды оправдан судом присяжных, поскольку он якобы получил по рации приказ расстрелять и сжечь. Приказавших не нашлось, видно, все погоны там были не капитанские. Но вот что интересно: как напутствовал судья присяжных, как объяснял им закон? И как отбиралось жюри? Еще приговоры из справки, которую прислал на мой депутатский запрос заместитель генерального прокурора С.Н. Фридинский. Подсудимые — военнослужащие, вестимо, а пострадавшие — мирные жители Чечни. Ограбление и изнасилование — пять лет **условно** (!); то же самое в ином месте — четыре года условно; убийство — шесть лет условно. И вот венец судейской гуманности — автоматная очередь по ногам пожилой чеченки в ответ на отказ продать водку наказана шестью месяцами *«ограничения по военной службе»*. Кто не понимает — это значит, что рядовой Ц. целых полгода не вправе стать, например, ефрейтором. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Шестое. Не раз возникал вопрос: а что же чеченская сторона, как у нее с правами человека? Ой, отнюдь не благополучно. В самом начале вооруженных столкновений было намного лучше, нежели со стороны войск РФ. Понятное дело — карательная экспедиция. Потом в чеченском сопротивлении стремительно нарастала роль так называемых полевых командиров. Эти судили и рядили по-своему, то, что называлось государственной властью, было им нипочем.

Были ли у нас претензии и к «центральной власти» Чечни? Да, конечно. Но здесь я не стану об этом говорить, ибо это мы, Россия, явились «восстановить право и конституционный порядок». И немедленно показали всей Чечне варварское беззаконие, поощряемое государством. Насилие, осуществляемое не какими-то бесконтрольными партизанами, а **государственными** войсками под командой высоких **государственных** чинов. Я был омбудсменом России, и мой долг — следить за соблюдением правопорядка в тех силах, которые представляют РФ. Нет, мы не были безучастны к чеченскому произволу. Должен сказать, что здесь нам хоть что-то, хоть когда-то удавалось. А при апелляциях к российскому командованию — **никогда**.

Седьмое. Единственный весомый (и очевидный!) успех нашей миссии — спасение нескольких сот заложников в Буденновске в середине июня 1995 года (террористы Басаева удерживали в местной больнице не менее 1500 человек). В составе нашей группы были, как обычно, М.М. Молоствов, В.В. Борщёв, О.П. Орлов, Ю.А. Рыбаков, на этот раз с нами были Александр Авраамович Осовцов и Виктор Васильевич Курочкин. Был штурм огромной огневой мощи. Его результат — десятки погибших заложников, шестеро убитых спецназовцев, немногие жертвы среди террористов.

После штурма была телефонная связь с Басаевым, выразившим надежду на встречу. Я связался с Е.Т. Гайдаром. Часа через два В.С. Черномырдин поручил мне создать и возглавить группу переговорщиков. Результат переговоров — проект соглашения об освобождении заложников, перемирии и начале мирных переговоров. Этот проект, подписанный нашей группой, Басаевым и кем-то из его подчиненных, был передан Виктору Степановичу. Последовали телефонные переговоры Черномырдина с Басаевым, но проект не подвергся существенным изменениям. Худо-бедно, перемирие и вялые переговоры продолжались до декабря. Что ж, это тоже спасло сколько-то жизней. Басаев потребовал гарантий безопасности для своего отряда. Потому вся наша группа, несколько журналистов и человек, по-моему, около ста из находившихся в больнице горожан сопровождали басаевцев до селения Зондаг уже в качестве заложников (впрочем, добровольных), так сказать, «живого щита» на случай нападения по дороге.

События в Буденновске — первый и единственный случай в России, когда высшая власть без колебаний отдала приоритет спасению жизней заложников. (Первым лицом в те дни был В.С. Черномырдин. Б.Н. Ельцин находился за границей и даже не подумал срочно вернуться!)

Увы, должен добавить печальное замечание. Заглянув в Википедию, с интересом прочитал, будто переговоры с Басаевым единолично и без всяких согласований с правительством провел небезызвестный г-н Кашпировский. И будто способствовал ему в этом С.В. Степашин. А самозванная группа Ковалёва (да, кажется, и В.С. Черномырдин) тут вовсе не при чем. Г-н Кашпировский недвусмысленно намекает на свои способности экстрасенса, которые помогли в этом деле. Это было наивное, дурно сляпанное мошенничество. Смотрю видеозапись пресс-конференции Басаева. Рядом с ним сидит Кашпировский. Эта встреча с журналистами, разумеется, уже **после** соглашения Черномырдин — Басаев. Басаев **прямо ссылается** на это и выражает доверие премьер-министру. Полагаю, что среди бескорыстных энтузиастов в Википедии попадают хорошо оплаченные (известно кем) тролли. Так живем.

Ред. Какое в это время у вас было общение с президентом?

С.К. В первый же раз, как я отлучился из Чечни (это было 5 января 1995 года), еще из машины, я позвонил в Кремль и сказал руководителю канцелярии президента В.В. Илюшину, что требую немедленной встречи с Борисом Николаевичем. Илюшин опешил: так с президентом не говорят. Я ответил резко: я прилетел из города, превращенного в руины русскими войсками; города, заваленного трупами жителей и российских солдат; я хочу и имею право посмотреть в глаза президенту; мой служебный долг — спросить, что он намерен предпринять, чтобы остановить национальную трагедию. Вскоре раздался звонок: «Завтра в 11:00».

Первое мгновение нашей встречи снимали несколько телекамер. Мы поздоровались, и Борис Николаевич попросил журналистов удалиться.

Полтора часовая встреча оказалась моим монологом. Я избегал персональных упреков. Рассказал все, что видел. Просил (я употребил даже слово «умоляю») хотя бы о коротком перемирии, чтобы убрать трупы, может быть, найти и вывезти раненых. Ельцин произнес всего одну фразу. Жестко, уверенно, неприязненно: «Спасибо. Я вас понял. Сейчас не время». Это была наша последняя встреча. Я вернулся в Чечню.

Наша группа упрямо искала возможности мирного разрешения конфликта. Я не раз встречался с Масхадовым и Дудаевым. С ним был согласован проект перемирия для переговоров о прекращении войны. Естественный проект — совместные органы контроля условий перемирия, в том числе соблюдения прав человека, представительство сторон, главные проблемы обсуждения на переговорах. Связи с Москвой уже не было, я продиктовал текст из Гудермеса сотрудникам МИДа для А.В. Козырева. Была не одна подобная попытка. Безрезультатно.

Госдума с топотом и криком разоблачала мой «переход на сторону врага». Именно поэтому в начале марта 1995 года я был отрешен от должности омбудсмана, правда, незначительным большинством. С этого момента наша миссия в Чечне стала миссией «Мемориала».

В январе 1996 года с довольно резким заявлением я сложил полномочия председателя Комиссии при Президенте. Это не было актом отчаяния, это был протест. Я ни с кем не обсуждал свое решение. Но все члены Комиссии поддержали протест и вышли в отставку вместе со мной.

Весной 1999 года Госдума вынесла на голосование импичмент президенту Ельцину. Главное обвинение — *развязанная им чеченская война*. Забавно — и по представительству политических сил, и фактически по основным персонам это была та же самая Дума, которая наказала меня *за протест против войны*. Разумеется, я голосовал против импичмента — стыдно сваливать общую вину на козла отпущения.